

КНИГА ИОНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

М. Н. Климова
(Томск, Российская Федерация)

Книга пророка Ионы в течение двух тысяч лет оказывает многоуровневое влияние на мировой литературный процесс, отразившись в разнообразных явлениях литературы. Статья посвящена ее воплощениям в русской детской литературе. Популярность этого библейского памятника у юных читателей находится в прямой зависимости от особенностей его поэтики. Подробно рассмотрены пересказы Книги Ионы для детей, сделанные Сашей Черным, В. Берестовым и О. Клюкиной. Привлечены и отдельные случаи литературного использования отдельных мотивов «Иониного сюжета» — «Конек-Горбунок» П.П. Ершова, «Бармалей» К.И. Чуковского, переводы и детские адаптации произведений зарубежных авторов.

Ключевые слова: русская литература, детская литература, христианство и литература, адаптация Библии для детей, Библия, Ветхий Завет, Книга пророка Ионы, литературная сказка

Изучая влияние, которое ветхозаветная Книга пророка Ионы, ее сюжет, идеи, мотивы и образы оказали на мировую литературу и, в частности, на произведения русских писателей, нельзя обойти вниманием область литературы для детей. Ведь в этом случае популярности библейского фрагмента способствовало именно то, что обычно затрудняло его восприятие взрослой аудиторией, — откровенно сказочный сюжет¹. По-детски прямолинейно может восприниматься также поверхностный слой заключенной в этом тексте и далеко не однозначной морали. Созвучной традициям литературы для детей оказалась и плотная населенность художественного пространства Книги бессловесными Божьими тварями, каждая из которых, по мысли автора, дорога сердцу ее Создателя. Наконец, заслуживает упоминания и инфантильность некоторых поступков ее главного героя-пророка². Эта духовная незрелость Божьего избранника рельефнее выделяет мудрое отцовское терпение его Творца и собеседника, который с помощью наглядного примера приобщал свое неразумное и строптивое чадо к таинству безграничной Божественной Любви. В то же время отмеченная психологическая особенность персонажа облегчает маленьким слушателям и читателям понимание причин его поступков.

Все это обеспечило «старой сказке о пророке и ките» законное место в сборниках библейских историй, адресованных детям. Первый опыт этого рода в русской литературе — «Праведник Иона» (1922, 1925) из цик-

ла «Библейские сказки» Саши Черного [3, с. 464—468]. Трансформация библейского материала в этом цикле, создатель которого был знаменитым сатириком и одновременно детским писателем, может стать темой отдельного исследования. Здесь же отметим лишь общую тенденцию сборника — христианизацию ветхозаветных сюжетов. В наиболее яркой форме эту тенденцию выразила обработка Сашей Черным жестокого библейского рассказа о наказании детей, дразнивших пророка Елисея («Сказка о лысом пророке Елисее, о его медведице и о детях»). Неудивительно, что обработка Книги Ионы, во многом превосходившей идеи христианства, оказалась в этом цикле одной из самых удачных, ведь для утверждения идеи христианского милосердия исходный ветхозаветный текст не надо было ни перелицовывать, ни дополнять. Близка сердцу писателя была и тема любви ко всему живому, пронизывающая обрабатываемый им источник.

В этой «библейской сказке» Саша Черный языком доверительного рассказа говорит ребенку об очень серьезных и взрослых вещах, например, о трудности пребывания доброго по природе человека в недобром мире и о его обязанностях перед этим миром. Показательно, что Иона в рассматриваемом нами пересказе изображен не как профессиональный ветхозаветный пророк, жизнь которого с момента призвания его Богом всецело отдана этой миссии³, но как «праведник» — частное лицо, в своей личной жизни строго соблюдающее Закон и стремящееся «жить по

Правде». Это не единственное отличие героя Саши Черного от его библейского предшественника. Ветхозаветный Иона — кажется, самый «несимпатичный» из библейских пророков. Честолюбивый, недобрый и эгоистичный, он настолько лишен сердечных привязанностей, что для его приобщения к тайне Божественной Любви Господу потребовалось специальное чудо с растением, но и тогда горе пророка об его утрате было отнюдь не бескорыстным.

Автор «библейской сказки», напротив, щедро поделился с ее заглавным героем присущей ему самой любовью к большим и малым бессловесным обитателям планеты Земля (в начале сказки подчеркнуто, что Иона «во все дни свои цветка не растоптал»). Не одинок этот кроткий старик и среди людей. Показательно, что конечный пункт его бегства, таинственный Фарсис, в этом тексте не «врата в царство смерти», к которой подосознательно устремляется душа ослушника Бога, а просто далекий город, где живут родственники старого Ионы и, прежде всего, любимая им маленькая внучка. Именно желанием навестить близких прикрывает герой сказки задуманное им «худое дело» — решение устранившись от участия во вразумлении грешников.

Невеселый опыт жизни праведника в жестоком и несправедливом мире утвердил Иону в убеждении о неискоренимой порочности человеческой натуры. Посещают его и вольнодумные сомнения в эффективности перевоспитания человека Страхом Божиим. Не смогло переубедить его в этом даже покаяние целого города, слишком уж коротка у людей память — «покаются — и потом еще пуще грешат». Но суровость Ионы, сетующего на излишнее долготерпение Бога, непоследовательна. Увидев выпавшего из гнезда ястребенка, старик возвращает его на место, хотя тот, повзрослев, станет хищной птицей (этот эпизод функционально соответствует библейскому чуду с пустынным растением). Поймав Иону на противоречии, Господь напоминает ему о детях, живущих в Ниневии, о возможном наличии там и хороших людей, наконец, о неограниченных возможностях человеческой души: «...человек — то змей, то голубь — как повернуть». Результатом доверительной беседы праведника с Богом становится принятие им мысли о том, «что мудрость жалости порой глубже мудрости гнева». Сюжет получает кольцевое завершение — в ладу с собой и миром Иона спешит к морю, где видит корабль и знакомых кора-

бельщиков, которые теперь уже точно доставят старика к его любимой внучке.

Выявив главные особенности обработки библейского материала в «Праведнике Ионе», осмелимся предположить автобиографическое значение урока, полученного героем сказки, для ее создателя.

Русский писатель Саша Черный (настоящее имя — Александр Михайлович Гликберг) был наделен от природы не только отменным чувством юмора, но и опасной способностью подмечать и едко высмеивать отрицательные стороны жизни. Талант сатирика принес молодому писателю всероссийскую известность, но не мог спасти от преследовавших его приступов мизантропии и недовольства собой. Творческий кризис, поразивший его на самом пике читательской популярности, был вызван осознанием тупиковости избранного им сатирического направления в постижении действительности.

Ситуация в истории русской литературы отнюдь не уникальная — нечто подобное испытывали, каждый в расцвете своего дарования и читательского успеха, Н.В. Гоголь и М.М. Зощенко. Ведь, смеясь над несовершенством мира, они втайне надеялись изменить его к лучшему, читатель же, хохоча над уморительными созданиями их насмешливого ума, упорно отказывается видеть в них собственное отражение, и даже их обличение пошлости нередко превращалось в забаву поистине неистребимого племени пошляков. Гоголь и Зощенко, каждый на свой манер, попытались «исправить» свою творческую стезю, сменив опасное ремесло сатирика на кафедру духовного учительства, и оба, не понятые современниками, потерпели на новом пути сокрушительное фиаско.

Творческая судьба Саши Черного оказалась счастливее. Он тоже попытался выйти из кризиса обращением к «серьезной» проблематике и даже написал «высокую» поэму на библейский сюжет — «Ной» (1914), но этот опус, убийственно лишенный «фирменного» авторского юмора, вполне заслуженно успеха не имел.

По счастью светлый лирический дар Саши Черного, таившийся под маской желчного обличителя общественных язв, оказался востребован при решении одной из задач русского литературного процесса в первые десятилетия XX века — создания отечественной детской литературы.

Именно на этом поприще, отвечавшем глубинным потребностям вечно юной души писателя, его талант обрел и свое адекват-

ное выражение, и преданную читательскую аудиторию.

Даже в эмиграции, когда многие писатели-изгнанники, потеряв под ногами родную почву, почувствовали утрату и морального стимула своего творчества, Сашу Черного поддерживало сознание стоящей перед ним неотложной задачи сохранения и передачи родного языка и литературы детям эмигрантов. Судя по его поздним «взрослым» стихам и прозе, изменилось и само мироощущение поэта: говоря словами его сказки, «мудрость гнева» явно уступила свои позиции «мудрости жалости». Воспоминания современников сохранили очень привлекательный образ А.М. Гликберга в последние годы жизни. Как и его Иона, он не только был добр, скромен и деликатен, но и не мог пройти равнодушно мимо чужой беды. Символичны обстоятельства его внезапной кончины — немолодой и уже серьезно больной писатель принял активное участие в тушении чужого пожара, а после умер от сердечного приступа. Но вернемся к «детским» обработкам Книги Ионы.

Долгие годы вынашивал мысль о создании сборника библейских историй для маленьких читателей классик советской детской литературы К.И. Чуковский. Сам писатель не был религиозен, но высоко чтит Библию как литературный памятник и неисчерпаемый источник бессмертных сюжетов, без знания которых невозможно понимание шедевров мирового искусства. Поэтому он с энтузиазмом воспринял идею М. Горького о создании книги пересказов важнейших библейских сюжетов для детей. Случилось это еще в 1916 году, но приступить к осуществлению замысла Чуковский смог лишь в конце своей долгой нелегкой жизни, объединив и возглавив с этой целью группу детских писателей. Книга была уже напечатана, и руководитель проекта даже рассказал об этом в одном из интервью. К сожалению, происходило это в самый разгар «культурной революции» в Китае, и хунвейбины обвинили старого писателя в ревизионизме. По-своему откликнулась на это известие также западная пресса, и соответствующие советские органы «приняли меры». Злополучная книга увидела свет лишь в годы перестройки [4].

Сборник «Вавилонская башня и другие библейские предания» состоит из 15 рассказов (только один из них, история блудного сына, заимствован из Нового Завета), в число которых естественно вошла и история пророка Ионы, пересказанная поэтом Валентином Берестовым (4, с. 139—146). Адресован сборник был совсем маленьким детям, и

В. Берестов, по его собственному признанию, «...стремился к тому, чтобы ребенок в полном соответствии с законами психики своего возраста мог хоть на миг почувствовать себя <...> пророком Ионой, которому страшно исполнить волю Бога, тем самым Ионой во чреве китовом. Я вместе с ребенком как бы увидел и детей на плоских крышах Ниневии <...>, и брюхо кита, похожее на сырую пещеру, где из-за стенки слышатся удары китового сердца» (4, с. 156).

В этом пересказе Бог объясняет Ионе свой гнев на ниневийцев тоже совсем «по-детски»: «Все они стали горды и злы, не слушаются меня, не повинуются мне»⁴ (4, с. 140). Но добрый Иона не может поверить в жестокость Создателя всего живого на Земле, в гнев решившего истребить население огромного города, не исключая даже маленьких детей. Открывшаяся перед ним картина повседневной жизни Ниневии (в пересказе Берестова пророк до своего бегства посещает обреченный город) наполняет сердце Ионы жалостью к ее жителям. Опасаясь, что его обращение к ниневийцам будет не слишком убедительным (ведь в жестокость Бога Иона не верит) и тем самым усугубит нависшую над городом угрозу, пророк решает не исполнять порученного ему дела (он втайне надеется, что Бог еще передумает). С этим образом «доброты Ионы» плохо сочеталось predetermined первоисточником огорчение героя, что его предсказание о гибели города не сбылось, и В. Берестов объяснил его сомнениями Ионы в своем пророческом призвании (проповедь перед ниневийцами была первым его заданием на новом поприще). Объяснения его божественного собеседника и открывшаяся с вершины холма картина восстановленной мирной жизни спасенного им города возвращают душе Ионы покой и мир.

Наконец, третья русская обработка Книги пророка Ионы для детей появилась уже в новом тысячелетии. Это повесть Ольги Ключиной «Пророк Иона: одинокий воин», вышедшая в серии «Библейские битвы» московского издательства «Триада» [5]. В серию включены пересказы героических эпизодов библейской истории для детей среднего школьного возраста, уже знакомых с историей древнего мира. При этом в число «битв» вошли не только деяния Моисея, Гедеона и Давида, но и, например, «битва, которой не было» — победа братской любви в рассказе об Иосифе Прекрасном. Пересказы обрамляются и перемежаются диалогом рассказчика-профессора с его любознательным слушателем.

лем, мальчиком Мишкой. Необходимость соответствия общему замыслу серии потребовала от О. Клюкиной некоторой трансформации исходного материала. Как и в пересказах Саши Черного и В. Берестова, заглавный герой повести — очень добрый и кроткий человек с негромким голосом⁵. Впрочем, природная доброта вовсе не мешает Ионе быть отважным «воином Бога», следуя путем пророческого служения. Как большинство библейских пророков, он не создал своей семьи и не имел постоянного места жительства. В начале повести, состоящей из четырех частей, что повторяет построение библейского источника, Иона после долгих странствий возвращается в родной городок, временно поселившись в гостеприимном доме своего старшего брата. Гордясь славой Ионы-пророка, брат, тем не менее, относится к нему по праву своего старшинства немного свысока, и Иона привык считаться с его мнением⁶. Нуждался главный герой повести и в деньгах для предстоящего ему далекого путешествия. Поэтому он вынужден рассказать брату, а вместе с ним и читателям о своем опасном решении послушаться Бога и бежать «от Его лица». Как известно, мотивировка этого поступка составляет одну из загадок библейского первоисточника, что породило немало объяснений психологического, религиозно-этического или политического характера.

В соответствии с общим замыслом серии причины поступка Ионы в повести героизируются: бегство пророка вызвано не его страхом или своеволием, но чувством племенного патриотизма — нежеланием участвовать в спасении враждебных для его народа ассирийцев. Чтобы переубедить Иону, его божественному собеседнику придется не только воззвать к природной доброте пророка, но и заставить его увидеть в жителях ассирийской столицы не абстрактных врагов, но конкретных живых людей.

Отметим попутно, что О. Клюкина резко расширила границы «мира добрых людей», окружающего, как подметил один из комментаторов, библейского Иону [6, с. 295]: мы знакомимся не только с семьей брата пророка, но и с капитаном и пассажирами корабля, а позднее с некоторыми жителями ассирийской столицы. Увеличено писательницей и число бессловесных участников этой библейской мистерии — очевидцами различных этапов путешествия пророка в Ниневию становятся птицы: воробей, чайка⁷, старый ниневийский пворон и орлица, беспокоившаяся за своих птенцов, «которые были еще так малы, что не умели отличить правого крыла от левого».

По замыслу повествователя, эти птицы, традиционный символ свободы, призваны напомнить читателю об истинной и высшей свободе морального выбора, которую Бог даровал только человеку.

В изложении О. Клюкиной история пророка Ионы — не новелла-притча с откровенно сказочным сюжетом, но действительное историческое событие, приуроченное к дате солнечного затмения, наблюдавшегося в VIII веке до н.э. на территории Месопотамии (напомним, что в Библии об этом затмении ничего не говорится). Внезапно наступившая среди бела дня тьма заставляет суеверных ассирийцев поверить в правоту Ионы и принять покаяние. Трактовка условно сказочного библейского рассказа как реально происшедшего события наталкивается в повести О. Клюкиной на непреодолимое препятствие — эпизод с китом. В отличие от других «детских» пересказов Книги, этот эпизод изложен в повести невнятной скороговоркой и лишен выразительных подробностей. В конце концов, пытливые вопросы юного слушателя, скептицизм которого основан на школьных познаниях в зоологии, вынуждают профессора воззвать к его вере, не нуждающейся в доводах рассудка. В целом же услышанная Мишкой история становится для него в первую очередь уроком человечности, помогая пересмотреть отношение мальчика к некоторым его товарищам.

Знакомство маленьких россиян с пересказами Книги Ионы Саши Черного и В. Берестова смогло произойти лишь в годы перестройки. Но и в прежние десятилетия, даже в самый разгар воинствующего атеизма, советские мальчики и девочки неоднократно встречались с различными вариациями «Ионины сюжета» и его центрального мотива. Один из таких случаев — давно ставшая классикой русской детской литературы сказка П.П. Ершова «Конек-Горбунок» (1834). Этот пространственный стихотворный текст, в сюжетном отношении являющийся сложной комбинацией нескольких сказочных сюжетов, включает, как нам представляется, и оригинальный парафраз «Ионины сюжета» — историю «грешного кита». Весьма условно связанный с основным действием, этот эпизод с детства врезается в память: «поперек» моря лежит исполинское существо «чудо-юдо Рыба-кит», заживо превращенное в населенный людьми остров. Крупное водяное животное, уснувшее на поверхности моря и принятое за остров, — популярный международный сюжет «морского» фольклора⁸, но в сказке П.П. Ершова он имеет религиозно-этическую окраску. Мета-

морфоза, происшедшая с китом, — наказание за его своеволие, проглоченные «без Божия веления <...> три десятка кораблей». За освобождение своих пленников он получает прощение, исцеление и свободу и в благодарность принимает активное участие в поисках перстня Царь-Девицы. Кстати, включенная в этот поиск и, казалось бы, избыточная сюжетная линия — сатирически окрашенная история Ерша⁹ кажется нам «фирменным знаком» официального автора «Конька-Горбунка» и одним из доказательств несостоятельности весьма популярных окололитературных гипотез об альтернативном авторстве знаменитой сказки.

Очевидное несоответствие морского приключения пророка данным зоологии явилось основой одной из «этиологических» сказок Р.Дж. Киплинга — «Почему у кита такая глотка». Эта сказка известна нескольким поколениям советских детей в мастерском переводе К.И. Чуковского. Типологически близкие эпизоды мы находим также в истории Пинокио (на русский язык знаменитую сказку К. Коллоди в 1959 году перевел Э. Казакевич) и «Приключениях барона Мюнхгаузена», обработанных для детей тем же К.И. Чуковским (главы «В желудке у рыбы» и «Корабли, проглоченные рыбой»). Герои сказочно-фантастических обработок этого древнего сюжета и в Новое время ведут себя подобно мифологическим персонажам, побеждая проглотившее их чудовище силой или хитростью. О приключении библейского пророка в них напоминают лишь отдельные детали — так, первую из рыб-людоедов барон Мюнхгаузен встречает, как Иона, в Средиземном море.

Наконец, неожиданный аналог эпизоду с китом (как и другие события Книги, он подчинен ее магистральной идее о возможности нравственного возрождения грешника) обнаружен нами в одной из оригинальных стихотворных сказок самого К.И. Чуковского — «Бармалей» (1925).

Крокодил — один из центральных персонажей сказочной «чуковианы», а способность проглатывать и снова возвращать без вреда для них живые существа и предметы — постоянный его атрибут [7, с. 219—221], но лишь в этой сказке Чуковского почти рефлексивному действию огромной рептилии было возвращено ее древнее символическое значение — возвращение проглоченного к жизни сопровождается его нравственным преобразованием. Крокодил, по мнению ряда исследователей, — зоологический прототип ветхозаветного Левиафана [8, с. 294] (в мировой культуре Рыба-Кит Ионы нередко сливается с

этим могучим и загадочным существом в единый образ), и показательно, что в сказке Чуковского он появляется вслед за другими «библейскими» чудовищами — огромной рыбой-людоедом («акулой-каракулой») и бегемотом.

В «Бармалее» при желании можно найти и другие христианские мотивы.

Так, непослушание Танечки и Ванечки повторяет и отчасти пародирует ситуацию грехопадения первых людей¹⁰, а в перипетиях столкновений заглавного героя-злодея с прекраснородным доктором Айболитом содержится явная полемика с учением о непротавлении злу насилием, восходящим к знаменитой нравственной максиме Иисуса о левой и правой щеке.

Библейские аллюзии «Бармалея» вряд ли осознавались его автором и, по счастью, не были замечены облеченными властью недоброжелателями его сказок тех лет. Для нас же эти аллюзии — красноречивый знак важности «библейской составляющей» в творческом сознании этого автора. Кроме того, случай «Бармалея» дополняет число примеров, когда отдельные элементы Книги Ионы присутствуют в литературных произведениях Нового времени в скрытом виде¹¹.

Примечания

¹ Для того, чтобы разглядеть под простодушно-наивной оболочкой «старой сказки о пророке и ките» глубокие и оригинальные мысли ее автора, отчасти опередившие его время, взрослому читателю, как правило, требуются дополнительные усилия. Анализ содержания памятника [см.: 1; 2].

² Ее проявления — крепкий сон, охвативший Иону в корабельном трюме с началом бури (так иногда «прячутся» от своих страхов маленькие дети), и то упрямство, с которым он за пределами Ниневии продолжает ожидать исполнения своего пророчества.

³ Заглавный герой Книги Ионы считается реальным историческим лицом, ибо он упомянут в Четвертой книге Царств как один из пророков времени царя Иеровоама II (4 Цар. 14: 25). Следует, впрочем, учесть, что события этой библейской книги и их описание разделяет временная дистанция в несколько веков.

⁴ В не увидевшем света советском издании книги библейский Бог стыдливо именовался «Волшебник Ягве».

⁵ Во всех трех «детских» пересказах библейского фрагмента значение имени пророка («голубь» по-древнееврейски) соответствует его характеру, а не контрастирует с ним, как в Ветхом Завете.

⁶ Напомним, что и библейский Иона не лишен некоторой инфантильности.

⁷ Образ этой любознательной и «непослушной» птицы явно навеян другой литературной чайкой —

«по имени Джонатан Ливингстон», из знаменитой притчи Р. Баха.

⁸ См., например, первое путешествие Синдбада-Морехода из арабского сборника «Тысяча и одна ночь» — огромная спящая рыба, занесенная песком и заросшая лесом, просыпается и ныряет, когда приставшие к «живому острову» моряки развели на нем костер. В скандинавской легенде, рассказанной епископом Эриком Понтопиданом, набожный кракен (гигантский кальмар) терпеливо ждет, пока принявший его за остров священник закончит мессу на его спине.

⁹ Источник этой сказки в русском фольклоре — памятник демократической сатиры XVII века, рукописная Повесть о Ерше Ершовиче.

¹⁰ Хотя функцию Бога-Творца в сказке Чуковского выполняют земные «папочка и мамочка», в ее тексте, кажется, сохранился реликтовый намек на ветхозаветный первоисточник — упоминание о некоем «дереве», под которым сидят наставники детей.

¹¹ Один такой пример из русской литературы — рассказ А.П. Чехова «Гусев» (1890).

2. Климова М.Н. К вопросу о восприятии библейской Книги Ионы // Власть, общество и человек в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. — Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012. — Вып. 30. — С. 3—16.

3. Саша Черный. Собр. соч.: в 5 т. — М.: Эллис Лак, 1996. — Т. 5. — 674 с.

4. Вавилонская башня и другие библейские предания / Под общ. ред. Корнея Чуковского. — М.: Горизонт, 1991. — 162 с.

5. Ключкина О. Пророк Иона: одинокий воин. — М.: Триада, 2008. — 139 с.

6. Немировский А.И., Скогоров А.П. Мифы и легенды народов мира: Библейские истории. — М.: Мир книги, 2007. — 464 с.

7. Богданов К.А. О крокодилах в России: Очерки из истории заимствованных экзотизмов. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 352 с.

8. История всемирной литературы: в 9 т. — М.: Наука, 1983. — Т. 1 / Под ред. И.С. Брагинского и др. — 584 с.

Список литературы

1. Эйделькинд Я. К истолкованию Книги Ионы // Библия: литературные и лингвистические исследования. — М.: РГГУ, 1998. — Вып. 1. — С. 81—112.

Климова Маргарита Николаевна, кандидат филологических наук, сотрудник Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск); klimov.1955@inbox.ru

JONAH'S BOOK IN RUSSIAN LITERATURE FOR CHILDREN

Margarita N. Klimova
(Tomsk, the Russian Federation)

The Prophet Jonah's book for two thousand years has a multilevel influence on the world literary process for two thousand years, reflected in various literature phenomena. The article is devoted to its reflections in Russian children's literature. The popularity of this biblical book among young readers is directly dependent on his poetics characteristics. The retellings of Jonah's Book for Children, made by Sasha Cherny, V. Berestov and O. Klyukina are considered in details. Some cases of literary use of single motives of "Jonah's Book" are studied as "The Humpbacked Horse" by P.P. Yershov, "Barmalei" by K.I. Chukovsky, translations and children's adaptations of works by foreign authors.

Key words: Russian literature, children's literature, Christianity and literature, the Bible adapting for children, the Bible, "Jonah's Book", literary tale